

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

УДК 81'23:81'25

ПИР ДРАКУЛЫ, ИЛИ ЕЩЕ РАЗ О «РЕЧЕБЕЗМЫСЛИТЕЛЬНОЙ» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА

О.В. Петрова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются причины смысловых ошибок в переводах студентов и пути их предотвращения.

Ключевые слова: перевод, мышление, текст, смысл.

Dracula's Feast, or "Thoughtless Translation" Revisited

Olga V. Petrova

Nizhny Novgorod State Linguistics University

The article discusses reasons for semantic and textual mistakes in students' translations and ways of preventing them.

Key words: translation, thinking, text, sense.

Представьте себе такую картину: литры крови вытекают, льются из вашей руки и тянутся по трубочке, наполняя сосуды, пузырьки, флаконы, мензурки, склянки, колбы и ампулы. И при этом чего только с вашей кровью не делают: и производят забор, и вытягивают, и выкачивают, и извлекают... И делают это с помощью иглы, которой протыкают ваш палец, которую и вонзают вам в руку, и втыкают... А уж куда только не вводят – и в вену, и под кожу, и просто в руку. Впрочем, иглы (если уж совсем точно, то иголки) могут быть и не такие жестокие и даже не очень хищные: например, «безболезненная иголка, которой нужно совсем немного вашей крови». Но это, скорее, вопрос будущего. А пока речь все равно идет о литрах вашей крови и сотнях наполненных ею сосудов.

Страшная картина. Понятно, что в вашем мозгу бьется только одна мысль: сколько же еще крови они из меня выкачают, прежде чем я умру (впрочем, возможны варианты: откинусь, отдам концы – это уже вопрос личных стилистических пристрастий).

Вот так в студенческих переводах выглядит обычная ситуация: у человека просто берут кровь на анализ.

Трудно сказать, что вызывает больше мыслей: чтение переводов статьи о новых технологиях проведения анализа крови или разговор со студентами во время разбора этих переводов. На вопрос, сколько же крови берут у человека для анализа (или даже – сколько крови можно взять у человека без риска для его здоровья), все называют разные цифры, но все

при этом говорят о миллилитрах. Значит, хотя бы приблизительно, но знают. Откуда же в переводе литры крови? Смею предположить, что практически все люди, достигшие двадцатилетнего возраста, хотя бы раз в своей жизни сдавали кровь. И на вопрос, как же это делалось, студенты дружно отвечают, что они приходили в лабораторию, где у них *брали* кровь – у кого-то из пальца, у кого-то из вены. И никто не сказал, что эту кровь вытягивали или извлекали, что ею наполняли мензурки, склянки или ампулы. Все говорили о пробирках, хотя некоторые и уточняли, что иногда эти пробирки были похожи на прямоугольные флакончики. Кто-то признавался, что боялся этой процедуры, хотя все оказалось не так уж и страшно, скорее – просто неприятно. Но никто не использовал выражения «ужасы сдачи крови», фигурировавшего в одном из переводов.

Значит, ситуация знакома, все представляют себе «картинку», которую видели, испытали не себе. Так откуда же в переводе берутся все эти фантазии в стиле фильма ужасов? Думается, что ответов на этот вопрос может быть, по меньшей мере, три: студенты плохо знают иностранный язык; студенты не умеют анализировать текст; студенты переводят не текст, а слова и предложения.

Под плохим знанием языка в данном случае понимается неумение отличить обычное, нейтральное словоупотребление от образного. Иноязычному тексту приписывается образность на том основании, что какое-то явление или какой-то процесс описывается на иностранном языке не так, как на родном. Или не так, как студенты это когда-то выучили. У нас кровь *берут*. Поэтому любой английский глагол, кроме *take*, наводит на мысль об образности. И вот уже кровь в переводе вытягивают и выкачивают. Все знают, что «пробирка» по-английски – “(test-) tube”. И если появляется “vial”, то это уже, по-видимому, нечто другое. Правда, в некоторых словарях в статье «пробирка» даются два слова – “test-tube, vial”. И некоторые словари определяют “vial” как *small container, typically cylindrical and made of glass, used especially for holding liquid medicines*, а иногда еще и помещают фотографию, глядя на которую, любой русскоговорящий человек скажет, что это пробирка. Но все это уже предполагает либо знание, либо целенаправленный поиск. А при их отсутствии возникает мысль: раз автор не сказал «tube», которое мы учили на третьем курсе, значит, он имел в виду что-то другое. И все, что не входит в активный словарный запас студента, наделяется некими дополнительными семантическими или стилистическими характеристиками. На третьем курсе слова, возможно, и учили. А вот читают мало.

Под неумением анализировать текст понимается уже отсутствие чисто профессионального, переводческого навыка. Прежде чем текст переводить, необходимо задать себе по поводу этого текста целый ряд вопросов и ответить на них. Частично – опираясь на сам текст. Частично –

в результате информационного поиска (сразу стоит заметить, что такая возможность у всех переводивших этот «кровавый» текст была – текст переводился на конкурсе письменного перевода в рамках международной молодежной конференции, и у каждого участника был доступ в Интернет).

Чтобы облегчить дальнейшее обсуждение проблемы, приведем исходный текст:

This Woman's Revolutionary Idea Made Her A Billionaire – And Could Change Medicine

The next time you get a blood test, you might not have to go to the doctor and watch vials of blood fill up as the precious fluid is drawn from your arm. No more wondering to yourself, "Ah, how much more can they take before I pass out?" Instead you might be able to walk into a Walgreens pharmacy for a reportedly painless fingerprick that will draw just a tiny drop of blood, thanks to Elizabeth Holmes, 30, the youngest woman and third-youngest billionaire on Forbes' newly released annual ranking of the 400 richest Americans. Revolutionizing the blood test is a golden idea.

Because of new testing methods developed by Holmes' startup Theranos, that lone drop can now yield a ton of information. The company can run hundreds of tests on a drop of blood far more quickly than could be done with whole vials in the past – and it costs a lot less. Holmes dropped out of Stanford at 19 to found what would become Theranos after deciding that her tuition money could be better put to use by transforming healthcare.

Traditional blood testing is shockingly difficult and expensive for a tool that's used so frequently. It also hasn't changed since the 1960s. It's done in hospitals and doctors' offices. Vials of blood have to be sent out and tested, which can take weeks using traditional methods and is prone to human error. And, of course, sticking a needle in someone's arm scares some people enough that they avoid getting blood drawn, even when it could reveal lifesaving information. Holmes recognized that process was ripe for disruption.

Holmes told Medscape that she targeted lab medicine because it drives about 80% of clinical decisions made by doctors. By zeroing in on the inefficiencies of that system, the Theranos approach completely revolutionizes it.

While we can't yet assess independently how well that method works when compared with traditional blood tests, it already seems to be upending the old way of doing things.

Итак, в статье речь идет о новом методе, при котором для проведения сразу нескольких анализов достаточно всего одной капли крови. Именно о методе анализа, а не о новом способе взятия крови у человека, потому что в самом по себе взятии крови из пальца ничего принципиально нового нет. Просто теперь, если этот метод будет признан и принят, можно будет отказаться от взятия крови из вены и делать все анализы на материале одной капли крови, взятой из пальца. Т.е. скоро,

возможно, американцы смогут просто *walk into a Walgreens pharmacy for a reportedly painless fingerprick that will draw just a tiny drop of blood.*

Посмотрим, как эта мысль трансформировалась в переводах.

«... вы сможете пойти в обыкновенную аптеку и купить скарификатор, использование которого, как ожидается, будет совершенно безболезненным».

«... достаточно будет дойти до ближайшей аптеки Walgreens и приобрести устройство, которому будет необходимо взять лишь каплю крови из Вашего пальца».

«... Вы можете просто сходить в аптеку «Уолгринс» за безболезненным тестом, который потребует только крошечную каплю крови».

«... Вам нужно всего лишь зайти на сайт онлайн-аптеки Волгринс (Walgreens) и заказать по отзывам безболезненный тест с острым концом, при использовании которого Вы лишитесь лишь капельки Вашей крови» (*пунктуация переводчика – О.П.*).

«... Вы, возможно, сможете зайти в местную аптеку и купить маленькую иголку, с помощью которой кровь, по слухам, можно сдать быстро и безболезненно».

«... можно прийти в аптеку «Волгринз», купить полоски для безболезненного забора крови из пальца, причем достаточно будет всего лишь одной маленькой капли».

«... вы сможете зайти в близлежащую аптеку и купить почти безболезненный прибор, которому потребуется всего одна маленькая капля крови».

И так далее, и тому подобное. Если раньше нужно было идти в лабораторию, где у вас возьмут кровь (возможно, из пальца – это будет зависеть от типа анализа), то теперь нужно будет идти в аптеку, покупать некий безболезненный прибор (устройство, тест с острым концом (?), безболезненный тест, скарификатор, маленькую иголку, полоски для забора крови (?) и т.д.). Впрочем, можно и не ходить: мы же в двадцать первом веке живем, можем и на сайте онлайн-аптеки заказать. Большое облегчение! Ну, хорошо, купили прибор, а дальше-то что? Что мы с этой каплей крови делать будем? Как можно «быстро и безболезненно» сдать кровь с помощью маленькой иголки? Куда сдать? И что это за «безболезненные» приборы и устройства, которым требуется наша кровь?

Переводчики явно думают не о новых методах анализа, а о новых и совершенно непонятных технологиях взятия крови. И приводимое в словарях значение «взятие крови из пальца» у слова *fingerprick* (в Интернете даже фотографии есть, показывающие, как это делается) отмечается как несоответствующее ситуации – в том виде, как они ее восприняли. Вот и появляются тесты с острым концом и полоски для взятия крови.

Впрочем, кто-то все-таки подумал о том, что в эту «аптеку» нужно пойти не для того, чтобы что-то купить, а для того, чтобы сдать кровь. Но все равно мысль о новизне самой процедуры не позволяет написать что-нибудь вроде «где у вас возьмут из пальца всего лишь одну каплю крови». Поэтому появляются такие варианты:

«... вы сможете заглянуть в ближайшую аптеку, где у вас с помощью почти безболезненного укола в палец возьмут на анализ всего лишь капельку крови»;

«... зайти в ближайшую аптеку и сделать безболезненный, как сообщается, укол в палец, и от вас потребуется лишь капелька крови»;

«... вам, возможно, просто потребуется зайти в аптеку “Walgreens” и, как говорят, сделать безболезненный укол, который заберет лишь маленькую каплю вашей крови».

Как переводчик представляет себе укол, который забирает кровь, догадаться трудно. Но ясно, что это попытка описать какую-то новую процедуру, отличающуюся от той привычной, когда у нас по старинке просто берут кровь из пальца. Теперь в этот палец будут делать укол.

Из переводов следует, что текст не был проанализирован и в плане того, как широко новый метод уже используется в сегодняшней медицине. В одних переводах новый метод еще только разрабатывается, в других он уже внедрен, теперь все делается по-новому, а описание традиционного метода идет в прошедшем времени:

«... их (анализы – О.П.) брали в госпиталях и больницах. Ампулы с кровью должны были быть отправлены и исследованы, это могло занимать недели».

При этом пробирки с кровью отправляли в лабораторию, где проводили анализ, на выполнение которого могли уйти целые недели.

Анализ проводился в больницах и врачебных кабинетах.

Теперь уже, похоже, все не так. А ведь текст-то начинается с того, что *The next time you get a blood test... you might be able to... !*

Итак, вместо текста о том, что изобретен новый метод проведения анализа крови, который, возможно, скоро будет внедрен (хотя, как следует из последнего предложения текста, его преимущества еще не доказаны), студенты переводили текст об уже внедренном новом способе взятия крови. Правда, при этом так и осталось непонятным, в чем же эта новизна заключается: ведь кровь из пальца брали и раньше.

Впрочем, в некоторых переводах обсуждается и методика анализа, но в том плане, что одну каплю можно исследовать быстрее, чем множество полных пробирок (т.е. чем меньше крови, тем быстрее можно исследовать).

Таким образом, остается совершенно непонятным, о чем же, по мнению переводчиков, написан текст. О том, что кровь можно взять из пальца? О том, что исследовать одну каплю проще, чем «целые литры»?

При обсуждении переводов, однако, студенты говорили о том, что статья рассказывает о новой лабораторной методике, при использовании которой одной капли крови достаточно для того, чтобы провести множество анализов и получить большой объем информации. Значит, смысл статьи многими переводчиками был понят верно. Тогда откуда же берутся все эти переводы-страшилки?

По-видимому, беда в том, что студенты переводят не текст, а слова и предложения. Только этим можно объяснить появление таких переводов предложения «*Ah, how much more can they take before I pass out?*»:

«... сколько еще нужно выкачать крови до того, как я умру?»

«Ох, сколько же они ещё смогут забрать перед моей смертью?»

«Сколько же еще они могут выкачать, пока я не умру?»

«О Боже, сколько крови они заберут, прежде чем я отдам концы?»

«Сколько же еще из меня крови выкачают, пока я не откинусь?»

«Сколько же еще они из меня вытянут, пока я не умру?»

«Ох, сколько же ещё они возьмут, перед тем как я умру?»

(Однотипные переводы цитируются для того, чтобы показать, что ошибки далеко не единичны).

У фразового глагола “to pass out” действительно есть значение «умереть», хотя оно дается не во всех словарях, а там, где дается, оно в словарной статье отнюдь не первое. Если подумать о контексте, где сказано, что в следующий раз, когда вы будете сдавать кровь, вам не будет так страшно, как, очевидно, бывало раньше (т.е. вы уже, по-видимому, раньше кровь сдавали и остались живы), то можно предположить, что взятие крови не рассматривается как процедура с летальным исходом. И тогда выбор явно должен пасть на первое (а в некоторых словарях и единственное) значение – упасть в обморок, потерять сознание. Но это – если учесть контекст, т.е. если переводить не отдельные слова и предложения, а целостный текст. А если, открыв словарь, наугад выбирать какое-то из значений слова и строить с ним предложение, никак не связанное ни с предыдущими, ни с последующими, то тогда действительно можно и «концы отдать», и «откинуться».

Если не думать о том, что речь идет о какой-то процедуре, то можно легко перепутать “fingerprick” с “fingerpricker”, посмотреть в Интернете картинки этого «устройства» и начать покупать в аптеке всевозможные скарификаторы, полоски для взятия крови и тесты с острым концом. Поход в «аптеку» существует для переводчика сам по себе, без связи с содержанием текста. Иначе в чем же смысл? Говорят, что теперь все станет проще. Раньше нужно было идти к врачу, а теперь – в аптеку. Раньше лаборанты все делали сами, а теперь нужно и прибор купить, и как-то с его помощью самостоятельно кровь взять, да еще потом что-то с этой кровью делать! Но переводчик об этом не думает. Он переводит слова: написано же «pharmacy»! Значит, аптека. И дальше – написано “**for** a ... fingerprick”. Значит, туда нужно идти «за чем-то». И так далее. Совсем

как в компьютерном переводе на одном сайте, где в предложении «Огонь велся с (такой-то) территории» предлог «с» был переведен предлогом “with”. Но ведь человек отличается от компьютера способностью не просто к перебору вариантов с учетом разных заданных параметров, а к речемыслительной деятельности, при которой порождаемая человеком речь есть результат деятельности мыслительной!

Вопрос о том, чему и как нужно учить будущих переводчиков, обсуждается давно. Этой проблеме посвящены конференции и круглые столы, монографии и многочисленные статьи. Журнал переводчиков «Мосты» ведет постоянную рубрику «Подготовка переводчика». Меняются подходы к переводу как таковому, сменяют друг друга модели и концепции перевода. Но ни один подход, ни одна модель не отменяют главного: будущего переводчика нужно прежде всего учить думать. Формирование навыков замены знаков одной языковой системы знаками другой языковой системы само по себе не может обеспечить полноценной профессиональной подготовки переводчиков, что в очередной раз убедительно показано в статьях И.В. Зубановой [1] и М.А. Орла [2], анализирующих «тренерский» метод А. Фалалеева [см. 5]. Мы все время говорим о необходимости «учить студентов видеть «мир за текстом», то есть самую предметную ситуацию, в тексте описанную» [4. С. 54]. Однако оказывается, что одного только наличия «картинки» в голове у переводчика недостаточно. При клиповом мышлении современных студентов, когда даже имеющиеся у них фрагментарные знания зачастую никак между собой не связаны и, соответственно, затруднено ассоциативное мышление, складывается ситуация, при которой «картинка» существует сама по себе, а перевод выполняется сам по себе. Весьма показательный в этом отношении случай, когда студентка написала в переводе, что Джордж Буш-младший был первым президентом США. Выяснилось, что она не поняла, что значит “the nation's first president with a masters in business administration”, и поэтому просто опустила непонятную часть. При этом на вопросы о том, кто был первым президентом США и которым по счету президентом был Джордж Буш-младший, она ответила правильно – пусть и не очень уверенно. Дальнейший разговор привожу дословно: «Так как же можно было написать, что он был первым президентом?» – «Но ведь там же написано – *first*»!

Ситуация выглядит гротескно, но, к сожалению, она не только реальна, но и весьма показательна. Хотя и не всегда в таком крайнем проявлении, но с подобным способом мышления мы сталкиваемся постоянно. И приведенные выше переводы служат тому наглядным подтверждением. Переводчик знает, что у человека берут миллилитры крови. Но если в оригинале сказано “The company can run hundreds of tests on a drop of blood far more quickly than could be done with **whole vials** in the past – and it costs a lot less”, то в переводе появляется «Компания может провести сотни тестов над одной каплей крови намного быстрее и дешевле, чем это было возможно ранее, да и понадобится тогда могли

целые литры». Знания сами по себе, а слова, означающие «очень много», сами по себе.

Написав в первом абзаце текста, что новый президент будет проводить такую же политику, как и предыдущий, студенты, ничтоже сумняшеся, пишут в четвертом, что и внешняя, и внутренняя политика нового президента будет в корне отличаться от политики его предшественника. Сейчас не имеет значения, который из абзацев в действительности соответствует оригиналу. Сейчас важно другое: студент к четвертому абзацу уже не думает о том, что он сам написал в первом.

Мы много говорим о необходимости вырабатывать у студентов профессиональное переводческое мышление, при этом исходя из предположения, что «студенты приходят к нам уже с каким-то, как хочется надеяться, мышлением», а нам лишь «необходимо преобразовать это непрофессиональное мышление в профессиональное» [3. С. 76]. По-видимому, пришло время признать, что клиповое мышление никак не может стать основой для мышления переводческого. И основная задача преподавателя перевода состоит в том, чтобы научить студента думать. Думать на этапе чтения оригинала, пытаясь понять, что там сказано. Думать на этапе предшествующего переводу анализа, пытаясь понять содержание целостного текста, существующего в широком внеязыковом контексте и в определенной коммуникативной ситуации. Думать на этапе перевода, пытаясь создать столь же целостный текст, вписанный в аналогичный контекст. Думать на обязательном этапе редактирования собственного перевода, проверяя получившийся текст на осмысленность и связность. Думать, думать и думать. Без этого любая отработка моделей и приемов перевода приведет в лучшем случае к синтаксически грамотному извлечению из человека литров крови и заполнению ими сотен всевозможных сосудов.

Библиографический список

1. *Зубанова И.В.* К пуговицам претензий нет. Об одном модном методе преподавания синхронного перевода // *Мосты. Журнал переводчиков.* 4 (44) / 2014. С. 51-54.
2. *Орел М.А.* О баталиях рукопашных и переводческих. Ответ на статью А. Фалалеева «Устный перевод глазами тренера» // *Мосты. Журнал переводчиков.* 1 (45) / 2015. С. 60-72 .
3. *Петрова О.В., Сдобников В.В.* О зеленом соке и соленом электричестве. Чему и как учить будущих переводчиков // *Мосты. Журнал переводчиков.* № 1 (33) / 2012. М., 2012. С. 69-76.
4. *Сдобников В.В.* Принципы обучения переводу, или О чем еще не было сказано // *Мосты. Журнал переводчиков.* 1(45)/2015. С. 51-59 .
5. *Фалалеев А.* Устный перевод глазами тренера // *Мосты. Журнал переводчиков.* 4 (40) / 2013. С. 67-71.